

Queen
Pom

Ф и л и п

Р о т

С л у ч а й

П о р т н о г о

INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р79

Philip Roth

PORTNOY'S COMPLAINT

Copyright © 1967, 1968, 1969, 1994, Philip Roth
All rights reserved

Перевод с английского *Сергея Коровина*

Рот, Филип.

Р79 Случай Портного / Филип Рот ; [перевод с английского С. Коровина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197743-6

Искрометный и шокирующе интимный роман признанного классика американской литературы второй половины XX века и автора «Американской пасторали» Филипа Рота, который окунает в водоворот беспокойного разума еврейского холостяка Александра Портного, охваченного диким сексуальным желанием.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Коровин С., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197743-6

Невроз Портного (получил название по имени пациента Александра Портного, 1933 года рождения) – нервное расстройство, представляющее собой хронические половые извращения на фоне постоянного столкновения нравственных альтруистических побуждений и крайних сексуальных устремлений.

«Характеризуется склонностью к эксгибиционизму, вуайеризму, фетишизму, аутоэротизму, оральному совокуплению. Однако ни эротические фантазии, ни сексуальные контакты не приносят пациенту настоящего удовлетворения, мало того, усугубляют чувство вины и страх возмездия, воплощенный в идее кастрации». (О. Шпильфогель. «Заблудившийся пенис», *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*, Vol XXIV, p. 909.)

Д-р Шпильфогель полагает, что все перечисленные симптомы имеют своей причиной проблему, обычно возникающую в отношениях между матерью и ребенком.

НЕЗАБВЕННЫЙ ОБРАЗ

Э то настолько владело моим сознанием, что весь первый класс в каждой учительнице мне мерещилась моя мать, только переодетая. После уроков я пулей летел домой, одержимый идеей поспеть туда раньше, чем она вернет себе прежний облик, или на худой конец застучать ее за этим занятием. Однако ко времени моего прихода она уже наливала мне, стоя на кухне, стакан молока и выставляла домашнее печенье. Но мои иллюзии от этого не развеивались, я еще более поражаюсь ее мастерству таинственных перемещений и мгновенных перевоплощений. С другой стороны, всякий раз, когда так выходило, я облегченно вздыхал, потому что ни отец, ни сестра — это уж точно — даже не догадывались о материнских фокусах, и еще неизвестно, что бы они со мной сделали, если б узнали, что я оказался при том, как она влетает в окно спальни или материализуется из ничего. Наверное, боялся, что меня уберут

как ненужного свидетеля или предателя, но попыток не прекращал.

Кроме того, когда она расспрашивала о школьных делах, мне приходилось рассказывать все, до единой подробности. Она все равно это видела, думал я, и мгновенно поймает на вранье — понятно, что она не может не следить за мной, а вот смысла этого постоянного подглядывания я не понимал, да и не пытался. В результате я в первом классе сделался честным — у меня просто не было выхода.

А каким я был умным! О моей толстой и страшной старшей сестре, прямо при ней (из принципа: честность — лучшая политика), мать говорила:

— Наша Ханночка, конечно, не гениальна, но учится и старается, а больше ничего и не требуем. И дай ей бог здоровья.

Про меня мамочка, от которой мне достался римский профиль и чувственный живой ротик, скромно замечала:

— У этого раз-бой-ни-ка? Да он книжек и в руки не берет, а пятерки по всем предметам, просто какой-то Эйнштейн номер два!

И что оставалось после этого папе? Папа пил. Разумеется, не виски, как *gou*¹, а масло, магнезию, таблетки. Жевал сухофрукты — по

¹ Гоу — нееврей (*идиш*). (Здесь и далее прим. пер.)

фунту в день, потому что постоянно страдал от запора. Материны метаморфозы и папашины проблемы с дефекацией — мама умеет летать, а папа со свечкою в заднем проходе газету читать — так я могу сформулировать, доктор, свои детские представления о них, об их свойствах и качествах. Пока суппозиторий медленно таял у него в прямой кишке, он заваривал в кастрюльке лист сенны — магический ритуал: закипание, помешивание дурно пахнущей жижи, фильтрование, вливание в организм с искаженным лицом. Проглотив отвар, он замирал над пустым стаканом, словно прислушивался к отдаленным раскатам в утробе, в ожидании чудесного действия. Я часто сидел и ждал вместе с ним, но чуда не происходило, во всяком случае, никаких внешних проявлений — как я ожидал, и никакого мгновенного исцеления, отмены приговора, избавления от чумы — о чем он молился. А когда по радио передали о первом испытании атомной бомбы, он отреагировал следующим образом:

— Может, хоть эта штука мне поможет.

Ко всему прочему, я был возлюбленным его жены.

И уж совсем усложняло ему существование то, что он и сам меня любил. Со мной он связывал надежды семьи приобрести наконец почет и уважение, иными словами — стать как все.

Впрочем, пока я был маленьким, у отца это ассоциировалось исключительно с деньгами.

— Не будь тупицей, как папаша твой, не женись на красивой, не женись на любимой, а женись на богатой, — бывало, напевал он мне, когда я сидел у него на коленях. Нет-нет, он вовсе не хотел бы, чтобы на него поглядывали свысока. Он работал не покладая рук, с надеждами на лучшую долю, коей сам удостоиться не рассчитывал. И никто не оценил его по-настоящему, не наградил по заслугам — ни мать, ни я, ни сестра моя (мужа которой он по сей день считает коммунистом, хотя он совладелец весьма успешного предприятия, производящего прохладительные напитки, и у него собственный дом в Вест-Оранже), и уж, конечно, ни это протестантское, с миллиардным капиталом, учреждение, которое эксплуатировало его на всю катушку («Общество», как они любили себя называть).

«Самое щедрое финансовое общество в Соединенных Штатах», — так, я помню, назвал это папа, когда однажды привел меня, чтобы показать свое рабочее место — крохотный закуток с письменным столом и креслом — в огромном здании компании «Бостон энд Нордистерн Лайф». Конечно, при мне он отзывался о компании крайне уважительно. В конце кон-

цов, они платили ему даже во время Великой депрессии, они снабжали его типографскими бланками с его именем и «Mayflower»¹ — своей (а значит, и его! ха-ха!) эмблемой. А вершиной их щедрости были бесплатные весенние уик-энды для сотрудников и их жен в Атлантик-Сити (для тех, разумеется, кто успешно справлялся с планом реализации страховых полисов), в каком-нибудь модном *гойском* отеле, где их страшно пугали абсолютно все: портье, официанты, посыльные, не говоря уже о загадочных настоящих гостях отеля, проживающих там за свои кровные денежки.

В довершение всего он совершенно искренне верил в идею страхования, и это приводило к дополнительной нервотрепке, непроизводительным тратам сил и душевного здоровья. Собираясь после обеда опять на работу, напяливая пальто и шляпу, он шел не за тем, чтобы спасти свою душу, отнюдь, — он шел спасти очередного бедного и несчастного, какого-нибудь сукина сына, у которого истекал срок страховки, а значит, его жена и детки останутся без гроша, случись что с этим негодяем, или, как он любил выражаться, «когда на них закапает».

¹ Корабль, на котором первые переселенцы из Европы прибыли в Новую Англию в 1620 г.

— Алекс, — говорил он, — человеку нужен зонтик в дождливый день. Ты не бросишь жену и детей под дождем без зонтика!

Меня, шестилетнего, его слова вполне убеждали, но совсем иную реакцию они вызывали у простоватых поляков, вспыльчивых ирландцев и неграмотных черномазых, населявших убогий квартал, отведенный ему «самым щедрым финансовым обществом в Соединенных Штатах».

Эти голодранцы смеялись над ним в своих бараках. Заслышав его, они швыряли в дверь пустые бутылки и орали: «Катись отсюда! Нас нет дома!» Они науськивали своих собак на его толстый еврейский зад. Но, несмотря ни на что, ему удавалось из года в год получать от компании за охват населения всеми видами страхования столько благодарственных писем и памятных медалей, что те занимали целую стену у нас в прихожей, где хранились коробки с пасхальной посудой и свернутые на лето «персидские» ковры. Раз уж он мог выжимать кровь из камня, почему бы и компании было не осчастливить его в ответ тоже каким-нибудь чудом? Почему бы президенту, если о таких достижениях слышали в главном офисе, не возвести его, простого агента с окладом пять тысяч, до управляющего окружным отделением с пятнадцатью? Как бы не так — они продолжали

держат его на прежнем месте! Еще бы, кто еще соберет им такой урожай на безнадежной земле? К тому же в «Бостон энд Нордистерн» сроду не бывало управляющих евреев («Не всем наши люди, дорогой», — как говорится в таком случае). И потом, мой папаша со своими восемью классами явно не тянул на Джека Робинсона¹ в страховом бизнесе.

Портрет Эна Эверта Линдебери, президента компании «Бостон энд Нордистерн», тоже висел у нас в прихожей. Отец получил эту рамочку с фотографией в награду, когда втюхал страховок на целый миллион долларов (а может, на десять миллионов?). «Мистер Линдебери», «Главный офис»... — мой папаша произносил это так, как «Рузвельт» и «Белый дом», а на самом деле он их всех ненавидел, и больше всех — самого гладкого белобрысого Линдебери с его безукоризненно правильной речью уроженца Новой Англии, с сыновьями в Гарварде и дочками, оканчивающими школу, — да всю эту массачусетскую свору, забавляющуюся лисьей охотой и игрой в поло (это я однажды услышал под дверью родительской спальни)! И тем самым не позволяющую ему выглядеть

¹ Джек Робинсон (1919–1972) — знаменитый бейсболист, первый из чернокожих игроков, допущенных в высшую лигу.

героем в глазах собственной семьи. Какое негодование! Сколько ярости! И не на ком выместить, кроме себя: «Почему мне никак не сходить? Этот чернослив уже торчит у меня из задницы! Почему все время болит голова? Кому понадобились мои очки? Кто унес мою шляпу?»

Как и многие другие евреи его поколения, с тем же свирепым самоистязанием мой папаша жертвовал собой ради семьи. То есть ради моей матери, моей сестры Ханны и особенно ради меня. Он мечтал, что если я не попаду в клетку, как он, а буду летать свободной птичкой, то тем самым избавлю и его от невежества, эксплуатации и безвестности. По сей день наши судьбы остаются перемешанными в моем воображении, и я, обнаружив в какой-нибудь книге место, поражающее своей логикой и смыслом, не перестаю сокрушаться: «Эх, вот бы ему это прочитать! Да, вот бы ему это понять!» Мне уже тридцать три, но если я говорю «вот бы ему», значит, меня не покидает надежда.

Я помню, что на первом курсе колледжа, в самый трудный период, когда я категорически требовал от него понимания моей сложной натуры — понимание или смерть! — мне пришлось в голову заполнить купон одного из только что обнаруженных мной в библиотеке колледжа высоколобых журналов, вписать его имя,

адрес и оплатить подписку. Но когда на рождественские каникулы я явился домой мрачным, чтобы вынести приговор, то не обнаружил никакого «Партизан ревью». «Колье», «Хайгейя», «Лук»! Где же, где мой журнал? «Выброшен даже нераспечатанным, — высокомерно размышлял я с болью в сердце. — Этот шмук¹, этот слабоумный обыватель посчитал „Партизан ревью“ обычным почтовым хламом».

Погружаясь глубже в эту историю разочарований, я вспоминаю одну бейсбольную подачу своему папаше каким-то воскресным утром. Я подаю и жду, что мяч после его удара улетит высоко и далеко. Мне восемь лет, я наконец получил на день рождения первую настоящую бейсбольную рукавицу, мяч и биту, которой, правда, я еще не могу как следует размахнуться.

Мой папаша уже сходил на работу. По воскресеньям он в своем рабочем обмундировании — шляпе, пальто, черных ботинках и галстуке-бабочке — прямо с утра отправляется в квартал черномазых с огромной черной книгой под мышкой, в которой записано, кто и сколько должен мистеру Линдебери. Потому, говорил он, что в это время очень удобно ловить тех, кому жалко десяти-пятнадцати центов на страховой взнос. Это большое искусство:

¹ Шмук — засранец, придурок (*идиш*).